

ЧАСТЬ I. «ТРУДНЫЕ ДЕТИ» И ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 159.922
doi: 10.11621/vsp.2020.03.01

РИСКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ДЕТСТВА

О. А. Карабанова

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия.
Для контактов. E-mail: okarabanova@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена кризисным характером современного детства и рисками информационной социализации, находящими отражение в обесценивании взросления, утрате ведущей роли образования, росте девиантного поведения детей и подростков. Социальная аномия и культурная депривация создают разнородную информационную среду, порождающую риски пропаганды культа насилия, жестокости, экстремизма, суицидального поведения, вовлечения детей и подростков в потребление психоактивных веществ, формирования интернет-зависимости и игровой компьютерной зависимости.

Цель статьи — анализ возможностей управления рисками информационной социализации как проявление кризиса детства.

Методы — теоретического и сравнительного анализа, обобщения.

Основные результаты. Выделены риски информационной социализации, связанные с низким уровнем информационной безопасности. Выделены и определены значимые возрастные психологические особенности ребенка, которые определяют эффект психологического воздействия информационной продукции на развитие ребенка, специфицированные для дошкольного, младшего школьного, младшего и старшего подросткового возраста. Дана сравнительная характеристика особенностей познавательной деятельности и умственного развития; степени уязвимости ребенка к воздействию вредного контента; сохранения психологического благополучия; степени готовности к подражанию социальным моделям поведения, пред-

ставленным в Интернете. Определены задачи, связанные с необходимостью обеспечения информационной безопасности детей и подростков.

Выводы. Учет возрастных психологических особенностей позволит создать эффективную систему управления рисками информационной социализации детей. Такая система включает задачи возрастной классификации информационной продукции и конструирования развивающего контента информационной среды. Создание междисциплинарного научного направления социальной экологии детства позволит существенно продвинуться на пути преодоления кризиса современного детства.

Ключевые слова: кризис детства, риски информационной социализации, информационная безопасность, уязвимость детей, возрастная маркировка информационной продукции.

Для цитирования: Карabanова О.А. Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 3. С. 4–22. doi: 10.11621/vsp.2020.03.01

Поступила в редакцию: 02.07.2020 / Принята к публикации: 23.07.2020

THE RISKS OF INFORMATION SOCIALIZATION AS A MANIFESTATION CRISIS OF MODERN CHILDHOOD

Olga A. Karabanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Corresponding author. E-mail: okarabanova@mail.ru

The relevance of the article is explained by crisis nature of modern childhood and the risks of informational socialization, reflected in loss of value in becoming mature, the loss of the leading role of education, and the growth of deviant behavior in children and adolescents. Social anomie and cultural deprivation create a diverse information environment that poses the risks of promoting the cult of violence, cruelty, extremism, suicidal behavior, involving children and adolescents in the consumption of psychoactive substances, the formation of Internet addiction and computer gaming addiction.

The purpose of the article is to analyze risk management capabilities of information socialization as a manifestation of a childhood crisis.

Methods — theoretical and comparative analysis, generalization.

The results. The risks of information socialization associated with a low level of information security are highlighted. Significant age-related psychological characteristics of the child are identified and analyzed. These characteristics determine the effect of the psychological impact of information products on the development of the child. They are specified for preschool, primary school age, younger and older adolescents. A comparative analysis of the features of cognitive activity and mental development is presented: the degree of vulnerability of the child to the effects of harmful content; preservation of psychological well-being; readiness to imitate the social patterns of behavior presented on the Internet. The tasks to ensure informational security of children and adolescents have been specified.

Conclusions. Accounting for age-related psychological characteristics will allow to create an effective risk management system for informational socialization of children. Such a system includes the tasks of the age classification of information products and building the developing content of the information environment. The creation of interdisciplinary science of social ecology of childhood will make it possible to make significant progress in overcoming the crisis of modern childhood.

Keywords: childhood crisis, risks of information socialization, information security, children's vulnerability, age marking of information products.

For citation: Karabanova, O.A. (2020) The risks of information socialization as a manifestation crisis of modern childhood. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 3, P. 4–22. doi: 10.11621/vsp.2020.03.01

Received: July 02, 2020 / Accepted: July 23, 2020

Введение

Современный дискурс детства выступает как кризис, более того как «исчезновение детства» уже с 90-х гг. прошлого века (Венгер, Слободчиков, Эльконин, 1988; Postman, 1994; Постман, 2004). Дискурс кризиса отражен в явлениях социальной стратификации детства, заставляющей говорить о разных мирах детства в зависимости от финансово-экономических условий жизни семьи, в которой воспитывается ребенок, — детстве большинства и детстве меньшинства. Не менее ярким свидетельством кризиса детства являются все большее распространение ценности и культуры потребления среди детей и подростков, межпоколенный ценностный конфликт и риски утраты преемственности поколений и культурной депривации, информаци-

онная социализация, исчезновение сюжетно-ролевой игры из жизни ребенка, стресс и тревожность, обусловленные тестированием и оценкой школьных достижений, выстраиванием рейтингов успешности, определяющих место ребенка в сообществе сверстников. Другим проявлением кризиса является чрезмерная обеспокоенность общества о безопасности детей, что, например, находит отражение в неправомерном изъятии ребенка из семьи, расплывчатости и неопределенности понятия «семейное насилие» и «жестокое обращение с ребенком» при фактическом сохранении высокого риска злоупотреблений и насилия в отношении несовершеннолетних (Postman, 1994; Защита детей от жестокого обращения, 2007).

Новая социокультурная ситуация детства характеризуется принципиальной трансформацией отношения общества к детству и ребенку. Миновав исторические этапы игнорирования и обесценивания детства, взрослоцентристского отношения к детству как к «прелюдии» и подготовке к взрослой жизни и, наконец, признания самоценности детства общество пришло к парадоксальному обесцениванию взрослости и взросления как цели онтогенетического развития (Аръес, 1999; Эльконин Б.Д., 1992). Переход от постфигуративной к кофигуративной и префигуративной культуре означает изменение традиционного канала передачи социокультурного опыта (от взрослых — к детям) на абсолютно противоположный — взрослые начинают учиться у детей (Мид, 1988). Взрослость перестает быть ценностью — детские психологические характеристики, образы, формы поведения и творчества (играизация, непосредственность, эмоциональность, «детскость» в творчестве и т.д.) все более проникают в мир взрослых и приобретают особую ценность. По остроумному замечанию Н. Постмана, автора книги «Исчезновение детства», свидетельством постепенного исчезновения самой категории детства из современного общественного сознания является поток исследований, посвященных детству, поскольку очередь историка в анализе события наступает тогда, когда приходит время его хоронить, и его задача — делать вскрытие, а не описывать актуальное явление в его развитии.

Целью статьи является анализ возможностей управления рисками информационной социализации как проявлением кризиса детства с позиции возрастно-психологического подхода (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин). Информационная социализация рассматривается в аспекте трансформации социальной ситуации развития ребенка, связанной с принципиально новым отношением ребенка к социальной среде.

Анализ состояния проблемы

Кризис детства Н. Постман связывает с информационной средой, порождающей новую графическую визуальную культуру, в которой «единицей» информации становится не слово, а визуальный знак, выводящий на передний план репрезентативную фрагментарную информацию, обращенную не к интеллекту, а к эмоциям и способности к опознанию информации. Изменение характера информационной среды приводит к распаду сложившейся социальной структуры детства и принципиальному изменению социальной ситуации развития ребенка. Причины этого в утрате необходимости обучения, поскольку визуальная культура не предъявляет серьезных требований к интеллекту человека, информация общедоступна, трансгранична, взрослый перестает быть источником информации, замещаясь иными медиаторами, связывающими ребенка с новой культурой. Такими посредниками становятся СМИ, массмедиа, новые информационно-коммуникационные технологии, социальные сети, ориентированные на однородность и достаточно низкий уровень требований к уровню зрелости аудитории, поскольку критерием их эффективности становится все больший охват и приобщение населения к потреблению информационной продукции с целью воздействия на сознание и умы широких слоев населения. Общедоступность информации приводит к угасанию детского любопытства и любознательности, не оставляя места поиску и открытиям. Тенденция инфантилизации находит отражение в представлении о новом трехчастном возрастном делении человеческой жизни: младенчество сменяет полувзрослый-полудетский возраст («взрослый ребенок»), переходящий в глубокую старость с преобладанием регрессивных процессов (Postman, 1994).

С позиции культурно-исторического деятельностного подхода кризис детства рассматривается как разрыв между миром взрослых и миром детей, кризис событийности детско-взрослой жизни и посредничества, и, в силу этого, как утрата детьми смыслов деятельности и сотрудничества. Кризис социо-исторической формы детства, который мы сегодня видим результатом распада прежнего единства освоения культуры и взросления. Если раньше взросление выступало как освоение культуры, а освоение культуры как взросление, то рождение информационного общества привело к утрате прежних моделей взросления. Образование как присвоение культуры оказалось отчуждено от процесса взросления. Позиционирование СМИ и инновационных ИКТ как важнейшего института социализации нового поколения приводит к замещению сложившихся форм социализации

информационной социализацией. «Разорванность» коммуникации и агрессивность СМИ в навязывании идеалов, выборов, решений и способов действий детской и подростковой аудитории ближайшим следствием имеет низкий уровень психологической безопасности, утрату социально-критического мышления, предрешенную идентичность. Расширение информационного пространства и возрастание роли средств массовой информации и массовой коммуникации, открывающих новые ресурсы для развития и образования детей и подростков, на основе построения индивидуальной траектории развития, одновременно создают риск выбора асоциальных моделей подражания, особенно в подростковом и юношеском возрасте (Фельдштейн, 2010).

Социальная аномия и культурная депривация создают разнородную информационную среду, порождающую риски пропаганды культа насилия, жестокости, экстремизма, суицидального поведения, вовлечения детей и подростков в потребление психоактивных веществ, формирования интернет-зависимости и игровой компьютерной зависимости. Риски информационной социализации находят выражение в агрессивно-принудительном навязывании идеалов, ценностей, решений и способов действий детской и подростковой аудитории, низком уровне психологической безопасности общения в Сети, широком распространении кибербуллинга (Солдатова, 2018). Возникает новая психологическая реальность, в которой происходит стирание границ между реальным и виртуальным миром. Деформация картины мира приводит к утрате чувства «необратимости жизни», иллюзии «ложной инвариантности и безграничной обратимости» как способности в любой ситуации ущерба, утраты вернуться к исходной точке — началу действия и «переиграть» жизненный сценарий заново и без потерь по аналогии с компьютерными играми. Виртуализация реальности начинает отсчет эпохи «пост-правды», в которой происходит смещение истины и лжи, добра и зла, справедливости и беззакония. «Фейки» как замещение реальности становятся большей реальностью, чем сама реальность. Уход детей и подростков от реального общения в виртуальное пространство и обеднение его содержания приводят к изоляции, трудностям общения и сотрудничества, проблемам личностного развития, включая риски алекситимии, снижения социального и эмоционального интеллекта, низкого уровня эмпатии, эмоционально-личностного эгоцентризма, нарушений морального развития. Жизнь в виртуальном мире поощряет стремление детей и подростков к быстрому и легкому успеху, мерой которого становит-

ся расширение круга «друзей» и подписчиков в социальных сетях, число полученных «лайков». Потребность в социальном признании реализуется через ложную самопрезентацию, усиление демонстративного поведения и нарциссических черт личности. Отчуждение от реальных социальных практик и кооперации чревато утратой и сужением жизненной перспективы, неудовлетворительном уровне развития саморегуляции и самоорганизации, снижением личностного потенциала подростков (Карabanова, Молчанов, 2018).

В условиях возникновения новой формы информационной социализации подрастающего поколения, связанной с серьезными рисками, общество заинтересовано в создании надежной системы управления рисками и превенции всех видов девиантного поведения и нарушений развития детей и подростков. В силу этого в программном документе, определяющем государственную политику нашей страны в отношении детства, — «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы», утвержденной Указом Президента РФ № 761 от 01.06.2012, четко определено, что ключевой задачей государственной политики в сфере детства является обеспечение информационной безопасности детства и создание образовательной развивающей информационной среды на основе широкого диапазона информационных и образовательных ресурсов и возможностей в условиях цифрового детства и информационной социализации (Национальная стратегия..., 2012).

Конкретным воплощением системы мер по обеспечению информационной безопасности детей и подростков стало принятие Федерального закона от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и утверждение Концепции информационной безопасности детей и подростков. Исходным для разработки Концепции информационной безопасности детей и подростков стало положение о двух аспектах — аспекте защиты от вредного воздействия информационной среды и аспекте создания условий позитивного развития на основе конструирования информационной среды, обеспечивающей позитивную социализацию и индивидуализацию ребенка. Такой подход находит отражение в определении информационной безопасности детей, во-первых, как защищенности ребенка от дестабилизирующего воздействия информационной продукции на здоровье и психическое, духовное, нравственное развитие, и, во-вторых, как создание условий информационной среды для позитивной социализации и индивидуализации ребенка, его оптимального социального, лич-

ностного, познавательного и физического развития, сохранения соматического, психического и психологического здоровья и благополучия, формирования позитивного мировосприятия (Концепция информационной безопасности, 2015).

Влияние информационной продукции распространяется фактически на все стороны личностного и познавательного развития ребенка. Наиболее значимыми векторами такого влияния становятся 1) развитие мировосприятия, ценностной картины мира и психологического благополучия ребенка на основе альтернативы формирования базового доверия к миру, уверенности в его разумности и справедливости, либо установок враждебности и недоверия к миру, абсолютизации случайности, непредсказуемости и несправедливости мира; 2) формирование социальной и личностной идентичности, которая в условиях информационной социализации выступает в форме экспериментирования с виртуальной идентичностью. Виртуальная идентичность позволяет подростку реализовать ряд значимых функций — функцию управления идентичностью и самопрезентации, в ходе выстраивания и опробования «Я» для других; функцию мистификации и мифотворчества, позволяющую воздействовать на окружающих асоциальными способами; функцию самопознания и исследования своих возможностей и, наконец, компенсаторную функцию посредством удовлетворения потребностей и желаний, которые не могут быть удовлетворены в реальной жизни — агрессивных тенденций, стремление к власти, легкому социальному признанию (Горный Е.А., 2004). В условиях относительной анонимности и трансграничности виртуальная идентичность выступает для подростка как надежный и безопасный способ самопознания и самоопределения, однако порождает ряд рисков, важнейшими из которых являются нарушение социальной самокатегоризации, поскольку смена социальных ролей не основывается на опробовании социальных практик сотрудничества и кооперации в реальной деятельности; доминирование эгоцентризма и самопрезентации, диффузия идентичности (Белинская, Гавриченко, 2018).

Результаты

Важной мерой обеспечения информационной безопасности детей и подростков, прописанной в 436-ФЗ является требование возрастной классификации (маркировки) информационной продукции. Необходимость возрастной классификации обусловлена тем, что характер воздействия информационной продукции на детей и

подростков определяется ее пониманием и эмоциональным переживанием, то есть тем, как ребенок воспринимает, интерпретирует, оценивает и осмысливает ее содержание, иначе говоря, его возрастными психологическими особенностями. Отсюда следует необходимость возрастной классификации информационной продукции и возникает перспектива целенаправленного конструирования контента, который позволит создать развивающую дружественную по отношению к ребенку информационную среду.

При проведении возрастной классификации информационных продуктов необходимо учитывать тематику, авторский замысел, жанр, содержание и художественное оформление; особенности восприятия содержащейся в ней информации детьми определенной возрастной категории; вероятность причинения содержащейся в ней информацией вреда здоровью и (или) развитию нормотипического ребенка определенного возраста. Последнее предполагает составление психологического прогноза, в котором необходимо различать — непосредственный эффект, проявляющийся в поведении, эмоциональном состоянии ребенка и др. сразу же после воздействия и отсроченный эффект, который, в свою очередь может носить краткосрочный и долгосрочный характер. При формулировании прогноза должны быть приняты во внимание возможные факторы риска и защитные факторы, многообразие которых включает инвариант — возрастные психологические особенности ребенка. Прогноз в отношении столь сложного системного объекта, которым является развивающийся ребенок в многообразии его связей и отношений предполагает диапазон его возможных вариантов и оценка рисков и ресурса жизнестойкости, а не предсказание однозначного исхода, что является принципиально невозможным (Бурменская и др., 2007).

При составлении прогноза психологического воздействия контента на психическое развитие и состояние ребенка и обоснования возрастной маркировки информационной продукции необходимо учитывать особенности социальной ситуации развития ребенка в условиях информационного общества. «Единицей» социальной ситуации развития является переживание как интеграция когнитивного и аффективного образа отношений ребенка с миром. Соответственно, необходимо учитывать следующие значимые возрастные психологические особенности ребенка: особенности познавательной деятельности и умственного развития; степень уязвимости ребенка к воздействию вредного контента; психологическое благополучие; степень готовности к подражанию моделям поведения, презентирова-

емым в СМИ и сети Интернет. Выделим наиболее значимые психологические характеристики, опираясь на хронологические границы возрастов, определенные в 436-ФЗ, а именно 3–7 лет (дошкольный возраст), 7–12 лет (младший школьный возраст), 12–16 лет (младший подростковый возраст), 16–18 лет (старший подростковый возраст или ранняя юность).

Эффект психологического воздействия информационной продукции в значительной степени определяется степенью ее адекватности возрастным особенностям познавательной сферы ребенка и уровню развития его когнитивных способностей. Наиболее существенной характеристикой мышления ребенка в возрасте 3–7 лет является особая познавательная умственная позиция эгоцентризм мышления (абсолютизация собственной умственной позиции и неспособность согласовать различные познавательные перспективы) (Пиаже Ж.). «Наивный реализм» ребенка выступает в форме отождествления своих представлений о мире и самой реальности этого мира, что зачастую приводит к недостаточной дифференциации вымысла и реальности, рискам смешения мифологического и рационального познания и освоения мира. Символическое и наглядно-образное мышление позволяет ребенку выйти за пределы наглядно-действенного исследования мира и открывает возможность оперировать символами, схемами, представлениями, образами, но вместе с тем устанавливает приоритет образности над рациональностью. Хотя в дошкольном возрасте возникает и развивается возможность установления временной последовательности событий, причинно-следственные связи ребенку еще не доступны. Дошкольник испытывает трудности понимания метафор и переносного смысла. Часто для понимания значения и смысла событий ребенку требуется помощь взрослого, что определяет значение сотрудничества в восприятии и поиске информации (Карабанова О.А., 2008). В младшем школьном возрасте происходит принципиальное изменение умственной позиции ребенка, выступающее в трех аспектах — как децентрация (способность координировать различные точки зрения на предмет), как опосредствованность познавательных функций системой социальных средств и понятий (Выготский Л.С., Гальперин П.Я.); как формирование метакогниций — способности управлять своими познавательными функциями. В этом возрасте возникают и углубляются познавательные интересы. Развитие понятийного мышления и освоение логических операций классификации, сериации, подведения под понятие, установление причинно-следственных связей обуслав-

ливают ожидания и требования ребенка к научной обоснованности информации, возникает дифференциация реально существующего, возможного и невозможного («так не бывает»!). Контекстная речь значительно расширяет возможности восприятия информации без опоры на визуальные образы. В младшем подростковом возрасте формирование гипотетико-дедуктивного мышления, позволяющего подростку выдвигать гипотезы и осуществлять их проверку, создает возможность выхода в пространство альтернативных возможностей, рассматривать вероятность их реализации с учетом множественных факторов и условий реализации события. Формирование основ научного мировоззрения в старшем подростковом возрасте составляет основу критического мышления и нового рефлексивного отношения к информации, резко снижающего риски воздействия негативного контента. Дивергентное мышление как осознание и принятие возможности существования различных решений проблемы, каждое из которых имеет свои сильные и слабые стороны, создает основу формирования способности к решению задач в условиях неопределенности и восполнению информационного дефицита.

Степень уязвимости ребенка к воздействию вредного контента может быть определена в зависимости от уровня его автономии и чувствительности к различным жизненным сферам. Возраст 3–7 лет характеризуется высокой уязвимостью ребенка к психологическому воздействию в силу внушаемости, склонности к эмоциональному заражению, некритичности и слабого осмысления опыта из-за недостаточной способности к установлению причинно-следственных связей. Высокая значимость внешних оценок, особенно со стороны взрослых, делает ребенка дошкольного возраста объектом манипуляций со стороны недобросовестных производителей информационной продукции. Выраженная ориентировка на новизну повышает интерес ребенка ко всему необычному, нестандартному, чаще всего небезопасному контенту. Низкий уровень произвольной регуляции приводит к импульсивному, «полевому» поведению и делает ребенка заложником внешних воздействий. Недостаточная самостоятельность, неумение прогнозировать последствия своих действий, трудности планирования, контроля и коррекции своего поведения приводят к тому, что ребенок оказывается крайне уязвим в отношении провокаций, инициирующих девиантные формы поведения. Трудности дифференциации реальности и вымысла, «смешение» игры и действительности, характерные для дошкольного возраста, становятся причиной низкой информационной безопасности ре-

бенка. Напротив, младший школьный возраст в силу возрастания самостоятельности и способности к произвольной регуляции поведения и суждений при сохранении в то же время авторитета взрослых характеризуется умеренной степенью уязвимости и внушаемости. Вместе с тем недостаточная критичность мышления и развитая способность к эмпатии и сопереживанию могут стать источником серьезных рисков воздействия негативного контента. В младшем подростковом возрасте рост уязвимости связан с явлением личностного эгоцентризма (фиксацией вследствие активного процесса самопознания на собственных чувствах, переживаниях, мыслях) и стремлением к утверждению взрослости, зачастую в любых, гротескных и неадекватных формах, склонность к заимствованию и переносу неадекватных моделей взрослого поведения, навязываемых СМИ и информационной средой персонажей на себя. Миф собственной исключительности и неуязвимости и склонность к рискованному поведению, часто представляющему опасность для жизни и здоровья, значительно увеличивают уязвимость подростка, особенно в сочетании с высокой тревожностью, максимализмом и дихотомическим мышлением, разделяющим мир на «белое» и «черное», добро и зло и не терпящим полутонов. Высокая уязвимость старших подростков определена ключевой задачей развития этого возраста — формированием идентичности как идентификационного процесса, реализуемого путем «экспериментирования с идентичностью», опробования ролей широкого диапазона по степени социальной желательности. Психосоциальный мораторий на окончательное принятие идентичности в сочетании с анонимностью, мнимой безопасностью и неограниченными возможностями экспериментирования с идентичностью в виртуальном пространстве нередко приводят к смешению и потере идентичности. Как следствие — к экстремальным поступкам ради самоисследования и выявления границ Я-возможного.

Степень уязвимости обусловлена чувствительностью ребенка к определенным жизненным сферам и четко соотносится с содержанием и характером ведущей деятельности каждой возрастной стадии. Для детей 3–7 лет характерна высокая чувствительность к социальным и межличностным отношениям, социальным ролям и нормам, осваиваемым в ходе реализации сюжетно-ролевой игры. Сенситивность ко всему новому, необычному, выходящему за пределы обыденного функционирования связана со стремлением расширить границы своего мира, познать и освоить мир «взрослых» отношений. В младшем школьном возрасте отмечается высокая чувствительность

ребенка к общению со сверстниками. Возрастает значимость принятия сверстниками и в силу этого возникает устойчивая ориентация на поведение референтной модели и мнения группы. Школьное обучение, построенное по принципу рейтингового оценивания, усиливает чувствительность к достижениям и успеху, социальному признанию. Младший подростковый возраст как возраст рождения социального самосознания определяет чувствительность подростка к признанию взрослыми и сверстниками его взрослости. Борьба за автономию и равные права со взрослыми в детско-родительских отношениях и тенденция девальвации значимости семьи может приводить к актуализации защитной стратегии обесценивания семьи и, как следствие, повышает сенситивность подростка к негативным тенденциям функционирования семьи как социального института, переживающего кризис в своем развитии. Возникновение интереса к любви и сексуальной стороне отношений между полами создает особую чувствительность к этой стороне человеческих отношений. В старшем подростковом возрасте самопознание и самоопределение увеличивают сенситивность к внутреннему миру чувств и переживаний и чувствительность к принятию и уважению своей личности окружающими. Первый опыт отношений любви становится критичным в развитии событием, отправной точкой для формирования самоотношения, признания самооценности и уникальности своей личности. Таким образом, изменение уязвимости ребенка к воздействию информационной среды носит сложный, нелинейный характер, определяемый значением социального контекста, форм общения и кооперации для решения возрастных задач развития.

Затрагивая проблему психологического воздействия информационной продукции на психологическое благополучие детей и подростков необходимо учитывать степень возрастной уязвимости. Так, в дошкольном возрасте такое воздействие не должно нарушать психологического благополучия, вызывать чувство тревоги, стресса, страхов, исключать риски разрушения базового доверия к миру. В младшем школьном возрасте допустимо кратковременное изменение настроения в негативную сторону, основанное на эмпатии и сопереживании персонажам, терпящим ущерб лишения, либо на переживании по типу катарсиса. В младшем подростковом возрасте допустимым является даже относительно продолжительное изменение эмоционального статуса, связанное с обретением нового возрастного статуса, освоением нравственного опыта, отражающего неоднозначность моральной атмосферы общества и перестройки жизненной

позиции подростка при условии сохранения подростком позитивного мировосприятия и оптимизма. В старшем подростковом/юношеском возрасте нарушение психологического благополучия может оказать относительно долгосрочный эффект на эмоционально-личностное развитие, связанный с личностным ростом и ценностным выбором, построением жизненных планов и перспектив, и сопряженный с ростом ситуативной и личностной тревожности.

Степень готовности к подражанию моделям поведения как готовности к социальному научению значительно трансформируется при переходе от дошкольного к подростковому возрасту в направлении снижения готовности ребенка к некритичной имитации, усложнения модели, возрастания избирательности в отношении образца для подражания. Для детей 3–7 лет характерна ярко выраженная тенденция к копированию и подражанию, выступающим механизмом усвоения новых способов поведения. Понимание значения различных способов поведения приходит в этом возрасте через имитацию и воспроизведение (буквальное либо в символической форме) увиденных образцов и их последующий перенос в собственную жизнедеятельность. Высокая готовность к социальному научению путем подражания поведению определяется привлекательностью героев, а также последствиями их поведения (вознаграждением или наказанием) и тем, насколько поведение одобряется либо осуждается авторитетными взрослыми (Bandura, Ross & Ross, 1963). Возрастной особенностью подражания является имитация внешней картины поведения без ориентации на его внутренние основания. Учебная деятельность как ведущая деятельность младшего школьного возраста ориентирует ребенка на усвоение социальных образцов способов действия в системе научных понятий как отражения сущностных предметных отношений и взаимосвязей. Этим определяется сохранение тенденции к подражанию и воспроизведению образцов и их переносу в собственную жизнь и поведение. Но в отличие от предшествующего возраста возрастает избирательность, критичность и обоснованность выбора объекта подражания. Овладение младшими школьниками системой регулятивных действий — целеполагания, планирования, контроля, оценивания и коррекции в ходе освоения учебной деятельности, приводит к тому, что подражание социальным образцам поведения становится произвольным и осознанным, а оценка привлекательности моделей основывается как на собственной оценке, так и оценке референтных взрослых и сверстников. Существенную роль в подражательном поведении приобретает учет мотивов поведения персонажей, вы-

ступающих образцами ролевого поведения. Умение устанавливать иерархию мотивов и делать выбор в ситуации конфликта интересов, основываясь на морально-ценностных предпочтениях, создает предпосылки противодействия личности манипулятивным воздействиям со стороны информационной среды уже к концу младшего школьного возраста. Вместе с тем склонность мальчиков к агрессивному поведению как способу самоутверждения в гендерной роли в силу социокультурных традиций воспитания в российском обществе в условиях «наводнения» информационной среды контентом насилия, определяет высокий риск выбора агрессивного поведения, как отвечающего гендерным особенностям. В младшем подростковом возрасте задача утверждения взрослости воплощается в высокой и зачастую некритичной готовности к подражанию ролевому поведению референтных моделей, признаваемых в подростковой субкультуре образцами взрослости и успеха. В этой роли выступают известные представители шоу-бизнеса, актеры, спортсмены, певцы, блогеры и т.д. Не менее привлекательными моделями для подростков являются признанные лидеры и «звезды» подростковых групп. В случае альтернативной социализации и формирования негативной идентичности подростки ориентируются на образцы поведения и стиль жизни, прямо противоположные просоциальным, подражая асоциальным и антисоциальным моделям девиантного поведения. Выбор образцов поведения часто определяется мнением группы — референтной или группы принадлежности подростка, а также моральной атмосферой школьного сообщества и подростковой группы. Склонность к агрессивному поведению подростка может быть реакцией на фрустрацию потребности во взрослости и ограниченность утверждения себя как взрослого. Учет моральных и нравственно-этических норм подростком как основания выбора способа поведения в проблемной ситуации определяет возможность противостоять негативному психологическому воздействию и снизить контекстные риски информационной социализации. Старшие подростки осуществляют самостоятельный выбор образцов для идентификации и подражания с учетом собственной системы ценностей и построения жизненных планов на основе предварительного профессионального и личностного самоопределения. Решение задачи формирования жизненной структуры — поиск Наставника (Д. Левинсон) — как признанного авторитета и образца для идентификации определяет на кого, в какой мере и в чем именно будет ориентироваться молодой человек, решая вопрос «с кого делать жизнь». Готовность к принятию от-

ветственности за последствия своего поведения и учет моральных и нравственно-этических норм как основания выбора действия в ситуации моральной дилеммы составляют психологическую основу устойчивости личности к контекстным рискам, препятствуя «слепому» неосознанному подражанию.

Таким образом, характер психологического воздействия контента информационного продукта будет по-разному воспринят, осмыслен и пережит детьми и подростками в зависимости от их возрастных психологических особенностей.

Обсуждение результатов и выводы

Существенной характеристикой кризиса детства являются риски, связанные с информационной социализацией, приводящей к трансформации социальной ситуации развития ребенка. Возрастные психологические особенности детей и подростков, включая особенности познавательной деятельности, умственного развития и переживания ребенком жизненных событий, степень уязвимости и избирательность чувствительности ребенка к воздействию вредного контента, психологическое благополучие и степень готовности к подражанию моделям поведения, выступают инвариантом, обуславливающим характер воздействия информационной среды. Учет возрастных особенностей позволит не только осуществить психологически грамотную классификацию информационной продукции, но и определить требования к созданию развивающей информационной среде с учетом задач развития смысловой, целевой и содержательной характеристик ведущей деятельности ребенка, иерархии контекстов взаимодействия и нелинейного характера возрастного развития. Тем самым удастся создать эффективную систему управления рисками информационной социализации детей, сделав шаг в преодолении кризиса современного детства.

Практика применения 436-ФЗ, направленного на обеспечение информационной безопасности детей и подростков, обнаруживает ряд проблем, решение которых возможно лишь на междисциплинарной и межведомственной основе с привлечением достижений и ресурсов психологической науки. Для их решения необходимо

- развитие механизмов общественно-государственного регулирования производства и распространения информационной продукции для детей и подростков;
- поддержка программ конструирования безопасной развивающей информационной среды для детей и подростков на

основе создания развивающего привлекательного контента и замещения им вредоносной информационной среды;

- проведение широкомасштабных исследований закономерностей информационной социализации детей и подростков, изучение эффектов воздействия информационной продукции на психическое здоровье, развитие и эмоциональное благополучие детей и подростков;
- внедрение программ медиаобразования для детей и подростков, в том числе программ безопасного Интернета;
- разработка и внедрение обучающих программ для специалистов в области производства медиапродукции, ее возрастной маркировки и гуманитарной психолого-педагогической экспертизы;
- подготовка специалистов для работы по профилактике интернет-рисков девиантного поведения и компьютерной и игровой аддикций.

Успешное решение указанных задач связано с развитием нового междисциплинарного научного направления — социальной экологии детства, предметом которой должно стать — изучение взаимоотношений детства с миром взрослых и предметной средой в экологическом, социальном, культурном, нравственном и других аспектах, создание разнообразных условий для психического развития и сохранения физического и психического здоровья ребенка, культивирования творчества, созидательной деятельности и сотрудничества с взрослыми и сверстниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 1 июня 2012 года.

Концепция информационной безопасности детей. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471.

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Арбес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Белинская Е.П., Гавриченко О.В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования (электронный журнал). 2018. Т. 11. № 60 [Электронный ресурс] С. 12 // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.06.2020).

Бурменская Г.В., Захарова Е.И., Карабанова О.А., Лебедева Н.Н., Лидерс А.Г. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.

Венгер А.Л., Слободчиков В.И., Эльконин Б.Д. Проблема детской психологии и творчество Д.Б. Эльконина // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 20–29.

Горный Е.А. Онтология виртуальной личности. Бытие и язык: Сб. статей по материалам международной конференции. Новосибирск: Новосибирский институт экономики, психологии и права (Новосибирский классический институт); Новосибирское книжное издательство, 2004. С. 78–88.

Защита детей от жестокого обращения / Под ред. Е.Н. Волковой. СПб: 2007.

Карабанова О.А. Телевидение и СМИ как фактор социализации в детском и подростковом возрасте // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. Я. Засурского, А.И. Донцова: В 2 т. М.: Аспект Пресс, 2008. Т. 2. С. 201–217.

Карабанова О.А., Молчанов С.В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 37–46.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.

Постман Н. Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 7–15.

Солдатова Г.У. Цифровая социализации в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.

Фельдштейн Д.И. Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психолого-педагогические проблемы новой школы // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 6–11.

Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. 1992. № 3. С. 7–14.

Bandura A., Ross D., Ross S.A. Imitation of film-mediated aggressive models // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 66. P. 3–11. doi: 10.1037/h0048687

Postman N. The Disappearance of Childhood. N.Y.: Vintage Books, a division of Random House, Inc., 1994.

REFERENCES

About children defense from information that can hurt their health and development. (2010). Federal Law of Russian Federation N 436-ФЗ from 29.12.2010 (in Russ.).

Aries F. (1999). Child and family life in Old order. Ekaterinburg: Publ. Uralskij university. (in Russ.).

Bandura, A., Ross, D. & Ross, S.A. (1963). Imitation of film-mediated aggressive models. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 66, 3–11.

Belinskaya E.P., Gavrichenko O.V. (2018). Self-presentation in virtual space: phenomenon and regularity. *Psychologicheskie issledovaniya (Psychological investigations)*, 11 (60), 12. (in Russ.). // URL: <http://psystudy.ru> (15.06.2020).

Burmenskaya G.V., Zacharova E.I., Karabanova O.A., Lebedeva N.N., Liders A.G. (2007). Age-psychological approach to consulting with children and adolescents. Moscow: Moscow psycho-social institute. (in Russ.).

Children defense from violent relations. (2007) E.N. Volokova (Eds.), SPb. (in Russ.). 254 p.

Conception of informational security of children (2015). Signed by President of Russian Federation 2.12.2015 № 2471. (in Russ.).

Elkonin B.D. (1992) Childhood crisis and foundation to design forms of child's development. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 3, 7–14. (in Russ.).

Feldstein D.I. (2010) Changing child in changing world: psycho-pedagogical problem of new school. *Nacionalny psihologicheskij jurnal (National psychological journal)*, 2 (4), 6–11. (in Russ.).

Gornij E.A. (2004) Ontology of virtual personality. Being and language. In article compilation of materials of international conference. Novosibirsk: Novosibirskij institute of economy, psychology and rights (Novosibirskij classic institute) (pp.78–88). Novosibirsk: Novosibirsk book publishing.

Karabanova O.A. (2008) Television and mass-media as factor of socialization in childhood and adolescence. In Ya. Zasurskij, A.I. Doncov (Eds.), Informational and psychological safety in mass-media (pp. 201–217). Moscow: Aspect Press. (in Russ.).

Karabanova O.A., Molchanov S.V. (2018) Risk of negative influence of informational products on psychological development and behavior of children and adolescents. *Nacionalny psihologicheskij jurnal (National psychological journal)*, 3 (31), 37–46. (in Russ.).

Mid M. (1988) Culture and world of childhood. Moscow: Nauka. (in Russ.).

National Strategy of action in child's interests on 2012–2017 years. (2012) Signed by President of Russian Federation 1.6.2012. (in Russ.).

Postman N. (1994) The Disappearance of Childhood. New York: Vintage Books, a division of Random House, Inc.

Postman N. (2004) Disappearing childhood. *Otechestvennie zapiski (Domestic notes)*, 3, 7–15. (in Russ.).

Soldatova G.U. (2018) Digital socialization in cultural-historical paradigm: the changing child in the changing world. *Social'naya psikhologiya i obchestvo (Social Psychology and society)* 9 (3), 71–80 (in Russ.).

Wenger A.L., Slobodchikov V.I., Elkonin B.D. (1988) Problem of child psychology and creativity. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 3, 20–29. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Александровна Карабанова — доктор психологических наук, профессор, профессор факультет психологии МГУ имен М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: okarabanova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Karabanova — Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: okarabanova@mail.ru